

Сказка про Илью Муровца

В некотором царстве, некотором государстве жил-был сар. У него ни сына, ни дочь. Он бога прошит, молебны служит: «Дай, бог, сына либо дочь — при младости на утеху, при старости на замену, при смертном часу на помин душу!»

Жили-жили. Об одну пору жена стала в интересном положении. Месяцы исполнились: родился сын. Как на траву упал, громы загремели, молнии засверкали, жемле стало трясение. И (в) ту же пору (в) конюшне кобула жеребенка родила. Его купали и крестили, ему дали имя Илья Муровец. А этого жеребенка к нему: пусть он вместе растет.

Жили-жили. Несколько врэмя прошло. Ребенок сидит. Уже шесть лет не ходит. Они работают, отес с матерью, ходят — он сидит дома, ноги нет, есть ноги, но ходить не могут. Двенадцать лет исполнилось: сидит в зыбке и всё, ходить не может.

Вдруг об одну пору приходят к нему двое, два старичка. Поздоровались. «Ну дай, — говорят, — Илья Муромец, к нам водичку попить». Ну он говорит: «Как я дам? Вы сами видите: я без ног». — «Ну дай!» Видят, ну переглянули друг друга и вдруг споткнулись. Вдруг почувствовал — вдруг встал, пошел, отдал к ним воду. Они попили эту воду. «Ну, Илья Муровец, сейчас будешь до смерти с ногами!» И они скрылись.

Он ждет своих, летит, бежит встречать. Вдруг выскакиват и видит — идут свои. Вот он побежал к ним встречу. Она говорит: « Вот, — говорит, — наш Ильюшенька!» Он говорит: «Откуда наш? — говорит. — Он в зыбке, набежал другой». — «Нет ,— говорит, — наш Ильюшенька!» Сразу обдернул город алым бархатом, отес обдернул город алым бархатом. Вот!

Вот немножко пожили. «Ну я, — говорит, — хочу в инце царство, в инце государство торги торговать, животы наживать, запопутчи жену искать». — « Какую лошадь возьмешь» — « Вот, — говорит, — которая со мной вместе родилась, я эту лошадь возьму».

Он еще неученый. Он (в)жял и вывел этого лошадь, она неученая, она мимо стала пробегать — он ее ухватил за хвост, задержал. Стал коня седлать: клал потнички на потнички, еще ковричек на ковричек, шедёлышко

черкасское, подтягивал двенадцать подпруг шёлковых, шелку разного, шелку шемелинского, шелк не рвется, булат не гнется, — не ради красоты, ради богатырской крепости. Отец дает лук и стрелу: «Не проливай кров(ь) христианскую, проливай кров(ь) басурманскую!» Сял на коня и поехал.

Яхал долго ли, коротко ли, видит — стоит шачор, две лошади ходят, такие здоровые, воду пьют меденную, шену едят белоярову траву. «О, — говорит, — ночевать здесь буду». Спустился с лошади, лошадь отпустил — она побежала, этих коней разгонила. Он стал, его лошадь воду пить меденную, шено исть белоярову траву, а ихни лошади стали из мора воду пить.

Вуходит — лежат два богатыря, такие здоровые. Он постоял и ляг (к) онному прямо подле стенку. Спали-спали. Один виходит утром и говорит: «Кака-то лошадь пришла и наших коней разгонила, и пьет нашу воду и траву ест». — «Да вот, — говорит, — у тебя паренек какой-то лежит!» Ухватили его и вибросили его на улицу. Ланно.

Ну тот советует: «Рубить надо его», — говорит. Он стоит, бедняжка. Ну один не хочот, а другой вроде хочот. Ну бились, бились, уже согласился тот [второй] убить. Этот [Илья] видергиват калиную стрелу и стреляет во сирую жемлю. Громы загремели, молнии засверкали, жемли стало трясение. «Отец говорил, — говорит, — не проливай кров(ь) христианскую, проливай кров(ь) басурманскую». — «Вот, — говорит, — видишь: он же наш!» — «Ну вот куды ми с им воевать будем, видишь: от пустой стрелы уже громы гремят!» Позвали: «Иди-ка, мальчик!» Подошел. «Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «Ты хто?» — «Я — Илья Муровец». — «Ах, это ты, значит, Илья Муровец!» — «Чо ви сюда приехали?» — «Да вот, — говорят, — Соловей-разбойник убил нашего третьего брата, и ми не могом никак подъяхать, никак убить». — «А почему?» — «Он как свистнет, ми за тридцать километров улетаем». — «Ну попробуем, поедем», — он сказал.

Пояхали. Он первый раз свистнул — Илья Муровец как яхал, так и едет, взглянул — товарищей ниту. Он второй раз свистнул — Илья Муровец как яхал, так и едет. Третий раз свистнул — Илья Муровца конь на колени упал. Он (в)жял калиную стрелу и стреляет во сирую жемлю. Громы загремели, молнии засверкали, жемли стало трясение. Как яхал, и Соловья-разбойника сразу убил, [от землетрясения] убил этого Соловья-разбойника.

Обратно вернулся к этим товарищам в палатке. Прияхал к палатке. Ну они говорят: «Поедем к нам, у нас сестра меньче, ми тебе дадим замуж». — «Ну ладно, — он говорит, — поедем».

Подъезжают — город обдернут черным бархатом. Он говорит: «Чего-то неловко!» Подъезжают. Сар встречает их. «Вот, — говорят, — ми привезли Илья Муровца, вот, — говорят, — ми свою сестру даем замуж». Ну он говорит: «Вот, — говорит, — Идол Поганый сидит на лабазе, каждый день по коню да по корове кушает, хочет сара дочь на жены. А я дочери не даю до вас». Илья Муровец говорит: «А где», — говорит. «Да вот, — говорит, — недалёко».

Виходит Илья Муровец на улицу. Колочится там о жемлю — оборачивается восьмилетним мальчиком, и пошел к нему. «Здравствуй, дедушко!» — «Здравствуй, миленькой!» — «Ну, дедушко, давай кушай меня!» — «Да ну, я, — говорит, — недавно корову да коня съел». — «О, — говорит, — как, — говорит, — у тебя не лопат живот? Ну меня, — говорит, — кушай!» — «Да ну, как тебя, я, — говорит, — накушался, не могу, — говорит, — кушать». — «Давай кушай, кушай!» — «Ну к вечеру и ты будешь не широк в перьях!» — этот отвечает.

А тут стоит дуб. Ходил, ходил около этого дуба. «Ах, дедушко, я шалыгою тебе дасти!» — «Смеешься ты будешь!» — дедушко. «Ну чо, — говорит, — с тобой торговаться!» Схватил этот дуб, как шлемнул, — так вверх тормашкой улетел.

Приходит домой. По калинову мосту похаживат — калиновый мост поскрипыват. (Так идет!) Ну сар говорит: «Бери мою дочь себе замуж». — «Нет, — говорит, — я пока не возьму, а пусть она будет. А я пока поеждю по тундре, один сейчас поезжю, поезжю, потом приеду и женюся». — «Ланно».

Ну он садится на свою лошадь и пояхал. Яхал, яхал долго ли, коротко ли, видит — какой-то лошадь стоит, и под низом старичок огонь топит, костер разводит. Ну он остановился, пошел к нему: «Здравствуй, дедушко!» — «Здравствуй, Илья Муровец! О, Илья Муровец, давай хоть чай пить». — «Давай, дедушко, спопьем». Чай сварился, чаю попили. «Илья Муровец, вот поднеси, — говорит, — мои перметнишки». (Ну перметы с лошади.) Он подходит и улыбается: пермёты такие, как два кошелька, маленькие. Хочет — ниту, другой раз схватил — ниту, третий раз — вжел, так пошел, еле притащил. «О, — говорит, — ты, — говорит, — четверть жемли поднял!» (Ничего себе: четверть жемли!) Чай попили. «Ну, — говорит, — Илья Муровец, так вот тебе жить!» — и распростился. И уехали.

Этот яхал, яхал и видит — гора стоит, золотая. Поднялся на эту гору и идет. Вдруг видит — человек едет к нему (в)стречу. Ну здоровый — видит.

Подъезжает, ни слова, ни чего, хватает Илья Муровца с конем и в карман положил. С конем, со всим, с лошадыю. Едет — Илья Муровец лежит. И думает Илья Муровец: «Ну я тут сколько лежать буду в кармане?» Разрезал карман, выпал и едет сзади него. Тот яхал, яхал и остановился, и разговариват сам с собой: «О, я суда пацана клал, где он?» — «А ты, — говорит, — меня клал, но я выпал. Здравствуй!» — «Здравствуй. Ну что расскажешь? Чо ты?» — «Давай поедем!» — «Давай поедем. Я, — говорит, — с этой горы никуда не поеду: меня, — говорит, — сирая жемля не подымат». «А ты хто будешь?» — «Я буду Сьвятогор-богатырь. А ты хто?» — «А я, — говорит, — Илья Муровец». — «А, — говорит, — я, — говорит, — перьвый человек, я, — говорит, — людей не знаю никогда».

Там где-то стучают. «А чо, — говорит, — это делают? Чо, — говорит, — там стучают?» — «А это, — говорит, — кого-то делают». — «Поедем туда?» — «Поедем». Поехали. Гроб. «Это что значит?» Илья Муровец говорит: «Это по-нашему гроб». — «А что за гроб?» — «А вот, — говорит, — туда лежатся». — «Ну ты ляг». Илья Муровец ляг: «Ты, — говорит, — закрой меня крышкой». Закрыл крышкой: «Вот так?» — «А, так, — говорит, — умирают». — «Ну так».

Ну выходит Илья Муровец. А он больше его там на несколько сантиметров, там метров. Выходит. «Ну, — говорит, — сейчас я лягу». — «Ну давай». А он ляг — в точь! «Крышку закрой!» Закрыл. «Да, — говорит, — так умирают?» — «Да, — говорит, — так». Вдруг шесть обручей наскочило, железных. «Ну, — говорит, — обручи наскочили». — «Ну, — говорит, — рви, ты сорвешь!» Ухватился — девять наскочило. Он еще нажал — двенадцать. Мял, мял — двенадцать не мог. «Значит, — говорит, — я умру. Вот, — говорит, — сопроти(в) моего роту викопай дырку. Оттуда черная пена пойдет — ее отгребай, а белая пена пойдет — с четверть кружки випей: больше не пей — с этой горы не уедешь». Умер. Эта пена черна — викопал дыру — пошла, шла, шла, пошла белая. Он четверть стакана випил и пояхал.

С горы с этой спустился, а конь так пошел, до колен. Где день яхал, тут едет два дня.

И прияхал к этой жене своей, к цару, и обвенчался. Стал жить да быть, да поживать до тапере.

(Магнитофонная запись Ю. И. Смирнова 02.07 1982 г. от Е. С. Киселева, в м. Федеровское на Русской протоке нижней Индигирки)

Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока, 1991.